

Отчего это произошло? Не потому ли, что она, Литература, была всегда в нашей стране чрезмерно тотальна, всепроникающе навязчива, служила, говоря словами Франка, одним из наименее поддающихся свержению кумиров. Пожалуй, выздоровление от нее связано с реабилитацией самой жизни, с восстановлением в правах всех пяти чувств, не просто обостренных голодной и неудобной жизнью, но именно что амнистированных. Текст, в конечном итоге, всего лишь читался, но любая трехмерная вещь пусть не окончательное, но весомое подтверждение, что мир все-таки существует, — будь

именно верой литературной, а тот факт, что идеалы носили весьма утилитарный характер, лишь облегчал литературную задачу их оформления. Как следствие безусловное доверие вызывал сам ряд напечатанных типографским способом литер, составленных в слова, которыми был составлен текст, и само по себе это опосредование выступало как бы гарантом подлинности смысла. Подозрение вызывала чрезмерная, поскольку практически не нужная, отделка текста, чрезмерное изящество, композиционная слаженность — вспомним хоть, как травила Фета разнотравная критика, и с концом дворянской литературы эти разно-

уютного идиотизма, как созерцание облаков дикарем или финал повести Гайдара «Чук и Гек». Соцреализм стал апофеозом тотальности российской словесности, как сам Советский Союз — российской государственности, и что ж теперь удивляться, что и то, и другое рухнуло в одночасье.

ЧТО ОСТАЛОСЬ от этого литературного сонного царства? Дом литераторов, библиотеки, книжные развалы, букинистические лавки и даже некоторые издательские мощности. Но сама Литература безвозвратно потеряла свою заглавную букву, стала вещью для потребления в ряду других вещей, хотя ходят еще по земле критики,

ЛИТЕРАТУРА

В ДОМЕ ПОВЕШЕННОГО ПОГОВОРИМ О ВЕРЕВКЕ

Писатели и литераторы нынче сделались париями — из жрецов и хранителей. Скомпрометированными оказались и представители многих иных профессий, скажем, военные, академические ученые, преподаватели философии и лекторы общества «Знание», но их с успехом заменили телеведущие и журналисты, астрологи, рок-певцы и агенты частных сыскных ведомств. Место писателя осталось вакантным, поскольку популярное знание, надежды на будущее, жажда информации и частные интересы еще остались, а Литература как таковая умерла, исчезла — как побежденная фармакологией старомодная болезнь, и лишь отдельные ее носители еще кое-как доживают по углам.

то чистая вода, приятный запах, свежий фрукт или устойчивая мебель. Оказалось, что не слово писателя, а именно шапка или шинель — есть залог хоть какой-то устойчивости, и надо ли говорить, что прежде дело обстояло ровно наоборот.

Именно она, Литература, брала на подозрение любой материальный объект, относительно которого возникало сомнение: не существует ли он без литературной на то санкции? Не описанная в романе вещь не существовала. Цвет и штрих, звук и шорох, любая вещь, чувственно осязаемая и конкретная, но не получившая идеологического оправдания и не прошедшая школы литературной муштры, объявлялась вредной, а значит, несуществующей. Старая вера русской интеллигенции в то, что жить надо как можно хуже, но лишь стремясь к идеалу, была

чинные претензии к литературе были сняты, а с воцарением большевиков любой Текст стал до конца утилизированным, лишь выиграв от этого в тотальности. Можно сказать, Текстом стало все — чувства, истина, патриотизм, вера в коммунизм и само существование мира. Отдельные книги лишь тиражировали его, а буквы заполнили все советское пространство, подменяя любые иные субстанции: они проникли в картины художников, стали архитектурными украшениями, подменили музыку в песнях и операх, даже пластика балета стала сводима к либретто, даже эротика превратилась в бесконечный диалог, и сам мир превратился в букварь, где, скажем, арбуз существовал лишь как иллюстрация для литеры «А», а словосочетание «мама мыла раму» приобрело какое-то чувственное и легкое очарование

писатели сочиняют стихи и романы, а читатели — допустим и такое — все это еще изредка читают. Читателя с большой буквы, однако, тоже уже нет, хоть и остался навык функционального чтения: ведь нужно еще сдавать экзамены «по немецким романтикам», научиться готовить макароны по-флотски и овладевать по самоучителю полезными навыками кройки и игры на мандолине. Литература живет теперь скорее в виде прилагательного, и будут еще издаваться литературные энциклопедии и словари, выходить литературные газеты и, по давней привычке, глеть литературные дискуссии. Скажем, между авторами конвертируемых текстов и теми, кто работает по преимуществу по добыче ископаемого сырья, — ведь в отличие от нефти и газа готовые изделия продавать легче, чем полуфабрикат.

По-видимому, пришла пора ловких действий и непосредственных ощущений. Кто знает, хорошо это или плохо. Книжный бизнес, и раньше отказывавшийся от реализации творений писателей-современников, нынче, похоже, уже пережил золотую пору «Анжелики». Пока хорошо распродается еще только детская литература, но можно быть уверенным, что произойди в нашей стране на деле компьюте- ризация и будь налажен здесь выпуск комиксов — и этот вид бизнеса быстро увял бы. Советская пропаганда любила писать о том, что в Америке многие школьники почти неграмотные. И это верно. Но ведь и мы потеряли, к примеру, полезный навык добывания огня трением, хотя, быть может, скоро нам придется обучаться этому заново.

Писательский бизнес и вовсе пока не налажен. По старинке писатели «усовершенствуют» свой союз, удваивая бюрократические структуры, но это не полезное усложнение машины, которая становится более продуктивной, — Союз писателей делится и усложняется прямо пропорционально все более обнаруживающейся своей ненужности. Это вынужденная реакция ввиду потери партнеров, издателей и читателей. И уж вовсе странно выглядят сегодняшние критики, вынужденные пробавляться тем, что раздают направо и налево полезные политические советы.

Но, излечившись, почувствовали мы себя здоровыми? На это мало что указывает, и политизацию общества можно рассматривать как тяжелые последствия болезни общества — Литературой.

Да и потери велики: способность к словесной игре и самозабвенному бормотанию, изображение на бумаге снов и мечтаний, а там и забывание слов и забвение языка. В западных странах все это уже проходили, и литература за- таилась в университетах, обраща- чиваясь то «новым журнализ- мом», то «новой философией». Сопротивляясь, она избавлялась от канонов, границ жанров, стереотипов бытования, из облом- ков строила новые храмы, освя- щая их по-новому и поселяя там новых идолов. Быть может, настанет время и у нас, и — чем черт не шутит — когда-нибудь запросят и наши бедные сегодняшние странички, которые мы украдкой за- полняем, водя ручкой по белому листу.

Николай КЛИМОНТОВИЧ

Зрелая мысль